

АЛЕКСАНДР ШАЛЛАРЬ

НАЧАЛО
и другие рассказы

Александр Шалларь
Начало и другие рассказы

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Шалларь А.

Начало и другие рассказы / А. Шалларь — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

В книге приведены яркие эпизоды из жизни главного героя рассказов Алексея: запомнившиеся навсегда впечатления шестилетнего мальчика о детских годах в оккупированном Харькове, борьба за самоутверждение в качестве предпринимателя в научно-производственной сфере в трудные 90-е годы; воспоминания о Нью-Йорке, Рио-де-Жанейро, о кипучей деятельности выходцев из России в самом южном городе планеты Ушуайя; удивительная история замечательной народной целительницы Евдокии Пивоваровой; размышления о смысле жизни в этом сложном и жестоком мире. Жизненные зарисовки написаны с юмором, читаются легко, показывая еще один взгляд на вечные темы добра и справедливости.

Содержание

Лешино детство. Война	5
Защита кандидатском	10
Начало	16
Целительница Пивоварова Евдокия Карловна	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Шалларь

Начало и другие рассказы

Лешино детство. Война

Алексей родился в Севастополе, за четыре года до начала Великой Отечественной войны. Впоследствии он очень гордился этим, словно заслуга рождения в славном городе была не родителей, а лично его, Лешина.

Будущие отец и мать его учились в одной школе и жили рядом с легендарным Малаховым курганом. Уже после войны, приезжая на школьные каникулы к тетке (домик ее был поблизости от кургана), Леша ощущал необъяснимое влечение к этому месту. Причину этого влечения он понял уже в зрелые годы. Мать однажды рассказала, что в десятом классе она часто прогуливалась на Малаховом кургане с Владимиром, будущим его отцом. Результатом романтических прогулок и явилось рождение Леши. Матери его тогда не было и семнадцати. Ее родители были категорически против того, чтобы школьница стала мамой, но она была непреклонна. Ангел-хранитель спас Лешу еще до появления на свет божий.

Родители отца поселились в Севастополе в начале 30-х. До этого они жили на Южной Украине, в селе Плетеный Ташлык. Название сохранилось, очевидно, со времен татаро-монгольского ига. В стране победившего социализма в 30-е годы повсюду шла коллективизация. Богатых крестьян как эксплуататоров трудового народа раскулачивали и отправляли на поселение в Сибирь и Среднюю Азию. Дед Миша был всего лишь крепким середняком, но, чтобы не испытывать судьбу, решил, пока не поздно, убраться из родного села подальше от создаваемого колхоза. Он приехал в Севастополь, судоремонтному заводу требовались подсобные рабочие. Через год дед Миша перевез на новое место всю семью.

Родители Надежды, Лешиной матери, до начала 30-х жили в Ленинграде. Отец ее был известным морским инженером, специалистом по электроэнергетике подводных лодок. В 1931-м его перевели на работу в Севастополь. Мать Надежды, судя по фотографиям тех лет, в молодости была удивительно красивой женщиной, способной свести с ума любого мужчину. И нашелся среди них тот, кто увел ее от мужа, постоянно пропадавшего в командировках по всем флотам Советского Союза.

Алексей Михайлович, высокообразованный, обходительный человек, нашел путь к ее сердцу. Через некоторое время у них родился сын Юрий, ставший пяти лет от роду Лешиным дядей. На их беду, в Марию Максимовну был страстно влюблен друг их семьи Валентин. Она не отвечала ему взаимностью, более того, однажды послала его подальше. Оскорбленный до глубины души Валентин написал в НКВД анонимное письмо. Согласно доносу (это выяснилось много лет спустя), Алексей Михайлович в прошлом был царским генералом. Явное несоответствие его биографии и возраста с данными генерала-однофамильца в то время не имело значения. На украденной их другом фотографии из семейного альбома Алексей Михайлович был в военном френче, хотя и без погон. Бросалась в глаза явная офицерская выправка. К тому же при поступлении на работу в службу тыла Черноморского флота он не рассказал подробно о своем прошлом. Ему дали десять лет в колонии строгого режима. С Колымы он вернулся лишь после войны и спустя несколько лет умер от разрыва сердца, не дожив до семидесяти лет.

Друг семьи погиб на фронте в самом начале войны.

Семья Алексея Михайловича после его осуждения считалась «семьей врага народа», и однажды им пришлось официальное письмо. В нем предписывалось в течение недели покинуть Севастополь, являвшийся главной базой Черноморского флота. Они переехали в Харьков, где жила Лешина прабабушка Прасковья Александровна. В пятнадцатиметровой комнате комму-

нальной квартиры они стали жить впятером: Лешина мама, бабушка Мура, Прасковья Александровна, трехлетний Леша и дядя Юра, ему исполнилось восемь лет. Своего отца Леша увидел впервые лишь после войны. За месяц до рождения сына отца отправили в военное училище, и в семью он вернулся в 1945-м.

Дом, в котором они стали жить, был построен еще до революции и принадлежал тогда богатому купцу. От парадной на второй этаж, где располагалась их комната, вела широкая лестница с мраморными ступенями и перилами. После революции в дом поселили семьи трудящихся, по семье в каждой комнате. В доме высокие потолки, арочные окна, паркетные полы и общие на весь этаж кухня с керогазами и туалет.

Довоенное время Алексей почти не помнил. В памяти осталась лишь девочка из детского сада, очень ему нравившаяся. Однажды он безапелляционно ей заявил: «Будешь моей женой!». Четырехлетняя Света не возражала. Правда, он смутно представлял свои супружеские обязанности. Много лет спустя его женой действительно станет Светлана, правда не та девчужка из детского сада, но все-таки Света.

Войну, начиная с дней, когда фронт докатился до Харькова, он помнил отдельными яркими эпизодами, скорее запечатлевшимися в его сознании картинками, иногда в сопровождении звуков. Они всплывали порой в памяти, словно фотографии тех лет из семейного альбома. В свои пять-шесть лет Алексей не способен был осмыслить происходившие события. Они все принимались им вполне естественно. Конечно, он ощущал страх, когда начались бомбежки, и радовался, когда в голодное время оккупации бабушке Муре и Прасковье Александровне удавалось раздобыть еду. Десятилетний дядя Юра ввел его в ватагу пацанов – старшему в ней было двенадцать лет, и Леша участвовал под его руководством в их повседневных делах.

Прасковья Александровна приобщила Алексея к Богу. Каждое утро, стоя на коленках перед иконой, он просил Боженьку, чтобы папу не убили на фронте, чтобы все они были здоровы и у них был хлебушек. Его Боженька был очень похож на прадеда по отцовской линии Илью: лысый, с большим животом и очень добрыми глазами. Он сидел в дореволюционном кресле, точно таком же, как в их комнате, и, улыбаясь, смотрел на Лешу.

Может быть, эти искренние его просьбы помогли отцу остаться живым, пройдя через две войны; выжить в тяжелейших условиях матери и не помереть остальным с голоду во время оккупации.

Уже в зрелом возрасте, оставив в прошлом диалектический материализм, он снова, уже самостоятельно, приобщился к Богу. Детские впечатления, видимо, остались в его подсознании, и он иногда обращался к Господу с просьбами. Никогда в них не было пожеланий зла ближним, и почти всегда Господь шел ему навстречу.

Первое впечатление от войны врезалось ему в память, словно остановившийся кадр фильма. Окна их комнаты выходили на огромный пустырь за домом. Однажды он сидел у окна, и вдруг перед ним возник летевший низко-низко над пустырем небольшой самолет (истребитель, как пояснил дядя Юра). Он летел на уровне их второго этажа так близко, что Леша отчетливо видел летчика в шлеме. Ему показалось, что самолет застыл в воздухе. Потом он исчез столь же неожиданно, как появился, а картинка на всю жизнь осталась в его памяти.

Вскоре начались бомбежки. Первые дни грохот их был слышен вдалеке, но затем бомбы стали падать в соседних кварталах. К счастью, поблизости не было заводов и важных для немцев целей. Но однажды бомба попала в трехэтажный дом неподалеку от них, пробив два этажа, она упала, не взорвавшись, на кровать в квартире первого этажа. Об этом бабушке Муре рассказали соседи, и теперь, когда грохот бомбежек раздавался совсем близко, Леша с дядей Юрой забирались под кровать. Они чувствовали себя в безопасности, во всяком случае было не так страшно. Иногда, особенно ночью (ночами бомбили чаще), они всей семьей выходили на лестницу, на первый этаж, чтобы успеть выбежать из дома, если в него попадет бомба. Бомбоубежищ поблизости не было. На пустыре за домом вырыли щель, куда жители из ближайших

домов прятались во время бомбежек. Однажды бомба случайно попала прямо в нее, и много людей погибло. Их семью Господь спас: им ведь тоже предлагали прятаться в эту щель.

Потом в городе появились немцы. Пацаны называли всех их «фрицами», а всех советских людей, воевавших на фронте, – «нашими». Наши воевали с фрицами, отец каждого пацана был на фронте среди наших, и, конечно, никто не любил фрицев. В один из первых дней появления немцев в городе Леша с Юрой и еще двумя пацанами отправились бродить в близлежащий сквер. На его окраине в кустах наткнулись они на лежащего на спине мертвого красноармейца. Он был без сапог, на лице застыла гримаса боли, рот открыт, и мухи его облепили. Леша впервые в жизни увидел мертвеца. До этого ему не приходилось видеть покойников, но о погибших на фронте он слышал. В начале войны, когда Харьков был еще наш, соседям приходили письма. В них сообщалось, что красноармеец такой-то, защищая Родину от немецко-фашистских захватчиков, погиб смертью храбрых. В их компании до появления в городе немцев, когда письма перестали приходить, трое пацанов получили такие письма.

Месяца через три после прихода фрицев, на площади, в нескольких кварталах от их дома, они с Юрой увидели виселицу и повешенного на ней пожилого человека. На груди у него была дощечка с надписью «Я вор». Это был их знакомый, сапожник дядя Петя, живший в соседнем доме. Пацаны его любили. Он иногда угощал их чем-нибудь вкусным и ласково с ними разговаривал. Бабушке Муре кто-то из знакомых рассказал, что квартировавший в том же доме немецкий офицер заказал дяде Пете хромовые сапоги из своего материала. Потом он куда-то пропал, и дядя Петя, решив, на свою беду, что тот погиб на фронте, продал сапоги другому офицеру. Неожиданно заказчик вернулся. Сапожника арестовали и вскоре повесили. Пацаны были очень огорчены и решили отомстить фрицам. Друзья Юры Миша и Валера забрались через чердак на крышу дома, где жил дядя Петя, и сбросили на немецкую легковую машину, стоявшую у его подъезда, кирпич. Затем бегом через чердак спустились по лестнице дальнего подъезда и не спеша отправились через пустырь к своим домам. К счастью, все обошлось, хотя закончиться все могло бы очень печально. Это не было подвигом юных пионеров в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, как обычно писали во время войны и после нее в советских газетах и журналах. Они всего лишь отомстили как могли фрицам за дядю Петю.

Вскоре куда-то пропал их друг Еся, живший в большом доме в соседнем квартале. Ему было девять лет, и Леша с дядей Юрой часто встречались с ним втроем или в компании с другими пацанами. Через некоторое время они узнали, что всем жившим в том доме евреям велено было собрать документы и ценные вещи, чтобы в назначенный час отправиться на регистрацию. Кто-то из пацанов рассказал, что в тот день к дому подъехала машина, похожая на автобус, но без окон. В нее погрузили взрослых и детей и куда-то повезли. Через несколько дней Юра показал Леше такую машину. Она стояла у дома в конце улицы. Дядя рассказал о страшном назначении ее и о том, что она называлась душегубкой.

В одну из осенних ночей над Харьковом немцы сбили наш самолет. По слухам, оставшийся в живых летчик спустился на парашюте в город и где-то прятался, возможно в их районе. Однажды ночью их разбудил громкий стук в парадную. Бабушка Мура с Юрой спустились со свечой (света не было) на первый этаж и открыли дверь. На улице стояли три фрица с автоматами и фонариками. Они поднялись на второй этаж и стали проверять комнаты. Проснувшийся Леша (дядя Юра накануне рассказал ему о летчике) очень удивился, когда фриц начал шарить в ящике их комода. Ведь летчик, как он считал, не мог поместиться в этом ящике. Фрицы ушли. Через день, когда он гулял на улице, рядом с ним остановилась легковая машина. Передняя дверца ее открылась, и немецкий офицер, не выходя из машины, позвал его. Он подошел к фрицу, и тот спросил его, есть ли у него папа и где он сейчас. Леша отвечал с гордостью, что папа его на фронте. «Какой-нибудь незнакомый дядя не приходил в твой дом?» – спросил офицер. Леша ответил, что незнакомых дядей он не видел. На этом вопросы закончились, машина уехала.

Пожалуй, самым отчетливым воспоминанием Леша о тех двух годах был постоянно ощущаемый голод. Прасковья Александровна подрабатывала сторожем в какой-то конторе и приносила немного хлеба, картошки и крупы. Мама нигде не работала. Однажды к ним зашел домоуправляющий и начал рассказывать о том, что в Германию для работы на заводе отправляют девушек. Их будут хорошо кормить, и еще они будут присылать своим родным деньги, чтобы семья могла покупать продукты.

Мама советовалась с бабушкой Мурой и Прасковьей Александровной. После многих сомнений и слез они решили, что, может быть, для всех будет лучше, если мама отправится работать на заводе и сможет поддержать их всех, ибо чем дальше, тем труднее становилось жить. Через несколько дней к дому подъехал крытый грузовик. Мама взобралась в кузов, там вдоль бортов сидело несколько девушек. Бабушка Мура и Прасковья Александровна заплакали. Леша, хотя ему было грустно, что мама уезжает, не переживал, как его бабушка. Фриц застегнул полог кузова, и машина уехала.

Дальнейшая судьба мамы, по ее послевоенным рассказам, была нерадостной. Условия жизни при военном заводе, где они работали, мало чем отличались от концлагеря. Жили они в бараках, кормили похлебкой из брюквы, поили эрзац-кофе непонятно из чего. В завершение всего она заболела дифтеритом. В концлагере ее просто сожгли бы, но ей повезло. Какая-то пожилая фрау, которой требовалась девушка в домашнем хозяйстве, выходила маму, и она осталась у нее до конца войны. Любек близ Гамбурга заняли американцы. Они и отправили всех наших домой, в СССР.

Голод Леша с Юрой ощущали с утра до вечера. Бабушка Мура научила Лешу просить милостыню. Он ходил на улице вблизи общежития немецких офицеров, кланча: «Пан, дай хлеба!», и протягивал ладошку. Хлеба ему никто не давал, иногда совали монетку. Но охранники его не прогоняли. Однажды он обратился с привычными словами к спешившему в здание фрицу, бывшему, очевидно, не в настроении. Тот носком сапога брезгливо отбросил попрошайку в сторону. Леша сидел на земле и, хотя ему совсем не было больно, горько плакал от обиды. Охранник с автоматом сочувственно подмигнул, мол, не расстраивайся, парень, в жизни бывает и похуже. Накрашенная девушка, видимо направляющаяся на свидание с офицером в общежитие (похоже, охранник ее знал), ласково спросила Лешу: «Кто тебя обидел, малыш?» – и дала ему кусочек пирожного. За все время оккупации и в первые годы после войны он не ел таких вкусностей.

Леша обнаружил вскоре, что он не один попрошайка на своей улице. Женщина неопределенного возраста, то ли тридцать, то ли сорок лет, тоже просила милостыню. Пацаны звали ее не иначе как Леля малахольная, то есть чокнутая. Семья ее погибла во время бомбежки, и она тронулась разумом. Где обитала Леля – даже пацанам не было известно.

Как-то летом на глазах пацанской компании ржущие, как жеребцы, фрицы облили ее из окна помоями. Злые пацаны были в восторге. Когда она шла по улице, они бежали за ней, бросали в спину камешки и кричали: «Леля малахольная! Леля малахольная!». Леше ее было жалко, и однажды он с кулаками бросился на обидчика. Пацаны очень удивились, а старший в компании, двенадцатилетний Витька, приказал: «А ну, дайте ему солдатского хлеба!». «Накормить солдатским хлебом» означало у них поддать коленкой под зад. Дяди Юры почему-то в тот день с ними не было. И Леша вкушал горький солдатский хлеб до своего дома. Вообще-то компания относилась к нему нормально: малец все-таки! Тем более что у него был защитник Юра, которого они уважали. Даже в детстве Леша очень обижался, когда видел, что к человеку относятся явно несправедливо. В возрасте 5–6 лет, когда в основном завершается формирование характера человека, Прасковья Александровна и бабушка Мура заложили в нем кое-какие хорошие качества. Плохие он приобрел уже самостоятельно в последующие годы.

Бабушка Мура иногда вместе со знакомыми женщинами отправлялась в близлежащие деревни менять собранное в доме барахло на продукты. В феврале, переходя через речку, она

провалилась под лед и сильно простудилась, но за несколько дней вылечилась. Леша не помнил, чтобы в это голодное время кто-нибудь из семьи серьезно заболел. Болезни, в том числе детские, начались в мирное время, когда голодание осталось в прошлом.

Летом при переходе поля вблизи леса их обстрелял немецкий самолет. Летчик, очевидно, решил, что внизу группа партизан, вышедших из леса. Они попадали на землю. Женщину, шедшую впереди бабушки Муры, насмерть прошла очередь из пулемета. Они бросились враспынную в лес, и это спасло их.

Бабушка приносила иногда муку и сало, и они устраивали себе праздник. Прасковья Александровна готовила болтушку – заваривала немного муки и крошила сало. Юра и Леша помогали ей. Какая же вкусная это была еда! Если был хлеб, то он с дядей внимательно исследовал весь стол, чтобы не оставалось на нем ни одной крошки.

Однажды Леша с Прасковьей Александровной вышли на улицу. По ней медленно ехала телега с какими-то мешками. Колеса ее были на резиновых шинах. Леша впервые в жизни видел телегу с такими колесами. Возница, толстый рыжий фриц, держал в руках вожжи. Задница его была такой же широкой, как у его коня с коротко подстриженным и подвязанным хвостом. Прасковья Александровна обратилась к фрицу и что-то на пальцах начала объяснять ему.

Наверное, тот понял ее, и телега остановилась. Он ласково посмотрел на Лешу, возможно вспомнил своего сынишку, такого же мальчугана, оставшегося в его деревне где-нибудь в Баварии. Через две минуты прабабушка вынесла золотой червонец, сохранившийся с царских времен. Фриц попробовал его на зуб, хотел сперва отдать ей целый мешок муки, но потом, передумав, отсыпал половину. Она была рада и этому. Несколько золотых червонцев Прасковьи Александровны, припрятанных на крайний случай, и продовольственные экспедиции бабушки Муры спасли их во время оккупации от голодной смерти.

Через два года снова начались бомбежки. Теперь уже наши бомбили город. Однажды Леша с дядей, которому стукнуло уже одиннадцать лет, отправились на площадь, за которой в двухэтажном доме располагалась немецкая казарма. Здание горело после попадания в него зажигательной бомбы. Фрицы выбрасывали со второго этажа какие-то вещи. Ребята боялись подойти близко и наблюдали за их суетой со стороны.

И вдруг в городе наступила тишина. Фрицы куда-то исчезли, и только однажды по их улице проехало много-много велосипедистов. Картузы их козырьками были повернуты назад. Юра объяснил Леше, что фрицы давали тем самым понять, что они еще вернуться. Но они не вернулись.

Удивительно, на том же самом месте в углу сквера, где два года назад лежал убитый красноармеец, теперь валялся мертвый фриц, рот его тоже был открыт, и мухи облепили лицо. А через день по улице вечером прогрохотали наши танки, много танков.

Последним, что осталось в памяти восьмилетнего Леша от войны, стал майский вечер. Канонада салюта не пугала. Все были радостно возбуждены. Победа! Скоро вернуться папа и мама! И они вернулись. Сперва мама, живая и здоровая, радостная, замечательная мама. Потом приехал отец. На погонах – звезды майора, на груди – ордена и медали. Много лет спустя Алексей с волнением разглядывал черно-белую фотографию. На ней гордо смотрел в объектив белобрысый пацан с отцовской медалью на матроске, а рядом с ним – молодые и красивые, улыбающиеся отец и мать.

*Ушуйя – Сантьяго,
январь 2015 г.*

Защита кандидатском

До защиты диссертации оставалось еще около года. Алексей не пропускал в своем ЦНИИ ни одной защиты, имеющей отношение к гидромеханике. Ему интересен был сам процесс: как соискатель преподносит комиссии свои результаты, как отвечает на вопросы, волнуется ли при этом, какие плакаты приносит с собой.

После одной из таких защит он записал на магнитофон свой доклад на предстоящем семинаре. Прослушав запись, ужаснулся: «И этот невразумительный лепет – мой доклад?!» – и решил фундаментально подготовиться к предстоящей защите. Ему еще предстояло преодолеть серьезные трудности в теоретической части работы, еще не выполнены были все намеченные эксперименты, но он был уверен, что исследования закончит в срок и все препятствия преодолет. Настойчивости в достижении целей ему было не занимать, и мысль об отказе от диссертации даже не приходила в голову.

Он составил программу подготовки к защите, первым пунктом ее было: «Научиться говорить внятно, уверенно и убедительно», для чего записался в школу ораторского искусства и почти год один раз в неделю посещал занятия.

Каждую неделю Алексей докладывал сотрудникам своего отдела политинформацию о внутреннем и внешнем положении СССР, стараясь использовать навыки, полученные в школе. Это были свои люди, перед ними выступать было не страшно. Но, согласно своей программе, он должен был научиться уверенно выступать по любой теме перед любой, даже незнакомой, аудиторией и быть готовым к любой ее реакции.

Для начала он решил сыграть роль контролера в трех видах городского транспорта: в трамвае, автобусе и троллейбусе. Еще год назад эта идея показалась бы ему не просто авантюристической, а совершенно абсурдной. Но он обязан был приобрести уверенность в общении с людьми.

В назначенный день он стоял на остановке. Люди входили и выходили из вагонов подхвачивших трамваев. Ему было страшно, он пропустил два трамвая и наконец с отчаянной решимостью ворвался в следующий. Потряса пропуском в свой институт, он заорал, сам испугавшись своего крика: «Приготовьте проездные билеты!». Пассажиры стали суетливо рыться в карманах и сумочках. В те годы в городском транспорте не было кондукторов. Честные граждане опускали монеты в кассы и отрывали билеты, граждане не очень честные, надеясь, что контролера в этот раз не будет, ехали «зайцами». Если контролер все же появлялся, они торопились передать деньги для оплаты или говорили ему, что еще не успели купить билет, ибо только что вошли.

Алексей деловито проверял билеты, сверяясь с контрольным номером, отчитал какого-то студента-безбилетника и был очень доволен собой.

Все прошло прекрасно. Уже без колебаний вошел он в автобус в роли опытного контролера, и здесь случился с ним конфуз. Он начал требовать у пассажиров билеты, какой-то парень проворчал: «Сколько тут вас, проверяльщиков!», и тут Алексей лицом к лицу столкнулся с контролером настоящим. Тот с удивлением смотрел на него. Опешивший Алексей после секунды замешательства пробормотал настоящему контролеру: «Видно, диспетчер что-то напутал, я возьму следующий маршрут» – и выскочил на ближайшей остановке, чувствуя дрожь в коленях. Но он не был бы Алексеем, если бы не довел до конца задуманное дело. Операция «Троллейбус» прошла без неожиданностей. И хотя неприятный осадок от неудачи с автобусом остался, Алексей был доволен: ему удалось преодолеть себя! И решил не упускать ни одной возможности для выступления перед публикой.

Такая возможность вскоре представилась. Приятель Эдик пригласил его на комсомольскую вечеринку по случаю какого-то праздника. Эдуард окончил Кораблестроительный инсти-

тут на год позже Алексея. Оба работали в одном секторе, пару лет они жили в одной комнате общежития ЦНИИ. Эдуард был успешным молодым человеком как на работе, так и, будучи симпатичным парнем, в отношениях с девушками. Диссертацию он защитил раньше Алексея и уверенно делал карьеру. В дальнейшем он серьезно продвинулся, став главным редактором серьезного журнала по судостроению.

Комсомольская вечеринка проходила в небольшом ресторанчике «Аленушка». Были на ней члены институтского комитета комсомола во главе с его секретарем и симпатичные девушки из комсомольских ячеек отделений института. После третьей рюмки Алексей выступил перед молодежью с пламенной речью. Ему уже исполнилось тридцать лет, и он относил себя к старшему поколению. Он просто обязан был дать напутствие комсомольцам, которые были моложе его лет на пять-шесть. С апломбом говорил он о преемственности поколений, о том, что старшим товарищам есть что передать молодежи, ибо у них «есть еще порох в пороховницах».

Речь Алексея произвела на комсомольцев впечатление, правда он не понял, какого рода. Он посмотрел на музыкантов, сидевших вдоль стены справа от праздничного стола. Лица их были непроницаемы, видимо они слышали и не такие еще речи.

Затем начались танцы. Рядом с Алексеем танцевал со своей девушкой секретарь комитета комсомола института. Девушка ласково гладила комсомольского босса по ранней лысине и воркующим голосом спрашивала: «А в твоих пороховницах есть еще порох?». Алексей был польщен. Что может быть приятнее для ученого (каковым он, конечно, уже считал себя), чем цитирование его научных результатов или просто его замечательного высказывания? Правда, Эдуард больше не приглашал его на комсомольские застолья. Алексей, впрочем, не расстраивался, решив и дальше выступать на любых собраниях в любом коллективе. Он обязан был выполнять свою программу.

Через месяц его отдел отмечал в кафе свой десятилетний юбилей. Начальники секторов говорили о достижениях, сотрудники благодарили начальство. Алексей, конечно, не удержался и выступил с эмоциональной речью об отделе, о том, что молодые сотрудники сделают все, чтобы приумножить его научный потенциал. И что каждый из них должен иметь свою конечную цель и стремиться к ней, даже если эта цель – далекая звезда. И он должен, как танк, преодолевать все препятствия на пути к этой цели... и далее в этом же духе.

Начальник сектора сказал ему на следующий день, что в его выступлении уже чувствовалась школа ораторов, а начальник отдела стал относиться заметно прохладнее. Видимо, опасаясь, что танк Алексея на пути к далекой звезде может ненароком зацепить его кресло. Но оратора в то время кресло начальника не волновало. Цель его была гораздо ближе даже самой близкой звезды. До защиты диссертации оставалось пол года.

Каждое утро в любую погоду он пробежал пять километров. После зарядки и холодного душа завтракал и пешком шел на работу – три с половиной километра. Изредка, когда необходимо было явиться на работу пораньше, добирался автобусом. Если были свободные места, садился обычно лицом к остальным пассажирам. Зачастую выглядели они невыспавшимися, на помятых физиономиях написано было явное нежелание ехать на работу. Он улыбался, они же с неудовольствием смотрели на пышущего здоровьем розовощекого Алексея: чего, мол, ухмыляешься, и так тошно.

Он бегал вдоль Витебской железной дороги по насыпи, где полтора века назад проходила первая в России дорога из Петербурга в Царское Село. Жители ближайших домов выгуливали здесь своих собак. Однажды Алексей чем-то не понравился овчарке, бросившейся на него, как на своего заклятого врага. Хозяин ее, вместо того чтобы удержать своего пса, стал орать на Алексея: мол, бегают тут всякие и нервируют собаку. Для оратора представился случай выступить перед ним и его псом. Это была замечательная речь. Высокий пафос, приятный тембр голоса, внушительная осанка, убедительные жесты, красочные сравнения, причем без

единого матерного слова. Он остановился, лишь почувствовав, что в следующее мгновение цербер и его хозяин набросятся на него и разорвут в клочья.

В любом выступлении с критикой, как понял он позже (он анализировал каждую свою речь и делал выводы), нужно не проявлять отрицательные эмоции, даже если тебя на них провоцируют, а главное – вовремя остановиться. Лучше всего закончить шуткой. В случае с псом и его хозяином он так и сделал, сказав какую-то смешную глупость. Они расстались вполне миролюбиво, и даже собака, почувствовав смену настроения хозяина, смотрела на Алексея, как ему показалось, вполне дружелюбно.

В школе ораторского искусства их учили, что оратор должен уметь не только убеждать словами, но быть еще артистом.

Однажды в жаркий день Алексей вышел из метро с его прохладой на Московский проспект. Поблизости девушка продавала с лотка мороженое. Он купил «Шоколадное» и, став посреди тротуара, стал уплетать его с искренним наслаждением. Прохожих было много, все куда-то спешили, некоторые ворчали: стоишь, бездельник, посреди дороги, мешаешь людям пройти! Алексей, не сходя с места, продолжал изображать блаженство. Оглянувшись минуты через две на лоток, увидел около него очередь, хотя до этого около мороженщицы никого не было. Хорошим рекламным агентом, как он решил, стать не очень трудно, если относиться к работе творчески.

Вскоре ему понадобилось отправиться в другой конец города. Выбравшись из автобуса, он оказался у пивного ларька и купил бутылку. Пиво оказалось теплым и отвратительным на вкус. В нескольких шагах от ларька за невысоким забором строили кирпичное здание. Рабочие клали кирпичи на уровне второго этажа. Стоявшее в зените солнце нещадно палило. Раздетый до пояса рабочий, трудившийся в полтора десятках метров от Алексея, явно страдал от зноя. Увидев Алексея, демонстрировавшего искреннее удовольствие от холодного, потрясающе вкусного пива, смотрел на него с ненавистью. Алексей делал вид, что не замечает строителей. В какой-то момент ему показалось, что работяга готов запустить в него кирпичом. Алексей продолжал смаковать пиво, искоса поглядывая на рабочих. Прошло совсем немного времени, и вся бригада столпилась у ларька, артист же поспешно ретировался, чтобы не быть уличенным в обмане.

И наступил день, когда каждый слушатель школы ораторского искусства должен был произнести свою речь на выпускном собрании школы в присутствии уважаемых гостей из Института социальных исследований. Алексей выступил и... с треском провалился. Впервые за целый год своих выступлений перед различной аудиторией он был очень расстроен. Со стыдом вспоминал он свою бездарную речь. «Нужно было набраться смелости, – говорил он себе, – и отказаться от выступления, к нему ты явно не был готов. Ты не только не смог донести идеи до слушателей, но даже сам не проникся ими».

Надо отдать должное Алексею: никогда он не преувеличивал свои успехи, зато всегда во всех неудачах своих винил не других людей или обстоятельства, а только себя и старался делать выводы на будущее. У него не было даже мысли объяснить свой провал огромной загрузкой в институте, частыми командировками и возникшими при завершении диссертационной работы трудностями.

Свое выступление он посвятил роли комсомола в период «развитого социализма». Он сравнивал комсомольцев 70-х годов с их предшественниками времен Гражданской войны и Великой Отечественной, в годы строительства социализма и его великих свершений. Говорил о бюрократии в комсомольских организациях, превращении их лидеров в карьеристов, стремящихся любой ценой во власть, тогда как в прежние годы «труд их был вдохновенным и бескорыстным».

Доклад, как он считал, был омерзительным и свелся к огульной критике комсомола без всякой связи с состоянием общества и анализа глубинных процессов в нем, о которых он,

конечно же, не имел представления. Не следовало ему было браться за эту заведомо провальную тему.

Между тем работа над диссертацией сдвинулась с мертвой точки.

Расчеты наконец стали получаться. К этому времени в институте появились персональные компьютеры. Пройдет совсем немного времени, и работа без них будет казаться бессмысленной. Экспериментальная часть исследований была завершена, результаты их радовали.

Он начал оформлять выполненную работу для представления в ученый совет института. Нужно было торопиться, и он старался не терять ни одного часа. Каждый день трудился до полуночи, работал в свободное время в командировках, в поездах. И если коллеги его, с которыми он отправлялся (чаще всего в Севастополь, Феодосию или Керчь) для участия в ходовых испытаниях судов, в выходные дни загорали на пляже, он здесь же, на пляже, корпел над очередным разделом диссертации.

Алексей стал фиксировать с точностью до минуты время, затраченное на работу, отдых, переезды, и это давало огромную экономию. (Так он продолжил делать и после защиты диссертации, работая над очередной статьей или изобретением, и удивлялся, насколько меньше тратит времени на очередной свой труд.)

В один из июньских дней, когда, казалось, люди и сама природа вокруг радовались не столь уж продолжительному в Ленинграде солнечному теплу, Алексей шел по аллее института в отдел светоконии, бережно, словно родного младенца, держа в руках папки с описанием диссертационной работы, программами расчетов и фотографиями экспериментов. Он был счастлив, физиономия его сияла, как медный тазик для варки варенья, вымытый и выставленный хозяйкой для просушки на солнце.

Ему повстречался замдиректора института по научной работе, направлявшийся в какое-то отделение. Он посмотрел на излучающего радость соискателя, конечно же все понял, и Алексею показалось, что на лице замдиректора промелькнула зависть. Возможно, вызвана она была ностальгическим воспоминанием о том дне четверть века назад, когда он точно так же, будучи на седьмом небе от счастья, нес в брошюровку свою кандидатскую диссертацию. Теперь он, доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки, воспринимал свои успехи в науке и новые награды уже без того молодого восторга, что видел на лице Алексея.

Диссертационная работа была рассмотрена ученым советом, и назначен день защиты. Помня о провальном выступлении своем в школе ораторов, Алексей решил устроить репетицию своей защиты перед совершенно незнакомой аудиторией.

Сперва он хотел выступить на оживленной части Московского проспекта, на площадке у популярного кафе. Он был уверен, что соберется большая толпа, чтобы послушать его замечательную речь. Но, опасаясь, что это привлечет внимание милиции и его рассуждения о нестационарных процессах в жидкости ей, возможно, будут непонятны и даже подозрительны, решил выступить перед памятником Ленину, на площади у научно-производственного объединения «Ленинец».

Среди рабочего дня, когда у памятника никого не было, он трижды рассказал Ленину о своей диссертации, пока на каменном лице вождя не отразилось, как ему показалось, выражение неудовольствия: ты, парень, меня уже достал своими режимами кавитации! На следующий день, кроме вождя мировой революции, он заставил слушать свой доклад жену и сына, которому исполнилось пять лет. Они расположились у подножия монумента, и Алексей начал свою речь.

Был солнечный день, работники НПО шли после окончания рабочей смены через площадь к станции метро и остановкам автобусов. Увидев увлеченно жестикулирующего молодого человека и, очевидно, решив, что выступает диссидент, некоторые из них останавливались (на это и рассчитывал Алексей) послушать, о чем он вещает.

Он мысленно развесил в воздухе свои плакаты с результатами работы и большие фотографии, отображавшие течение жидкости вокруг крыла. Он мог с закрытыми глазами определить положение каждого плаката и рассказать о его содержании.

С большим воодушевлением говорил он слушателям (мысленно считая их членами комиссии на предстоящей защите) о результатах работы, подтвержденных к этому времени патентами на изобретения, статьями и докладами на научных конференциях. Он рассказывал о физике различных режимов кавитации крыла. «Посмотрите, – обращался он к слушателям, – в переходном режиме кавитации вихри, сходящие с кромок крыла, образуют вихревую дорожку Кармана». И направлял воображаемую указку на воображаемую фотографию (в реальности это были потрясающие снимки, сделанные им с помощью скоростной киносъемки). Некоторые слушатели смотрели в этом направлении.

Он говорил о теоретической части работы, компьютерных программах расчетов, о сингулярных интегралах и особых точках. Некоторые граждане, всего их собралось около двух десятков, слушали его с интересом, сообразив, в чем тут дело. Видимо, это были научные работники НПО. Другие смотрели с сожалением на явно нездорового молодого человека. Какой-то мужик, покрутив пальцем у виска и проворчав что-то, ушел.

Алексей все это видел, но был совершенно спокоен. Спокойней его был только Владимир Ильич Ленин, уверенным жестом указывающий путь вперед, в светлое будущее, правда почему-то на запад.

Оратор в общем был доволен своим выступлением, а его пятилетний сын явно гордился папой, которого внимательно слушали незнакомые люди. Выражения лиц и двусмысленные жесты некоторых из них он еще не понимал.

Наконец был назначен день его защиты. Перед этим Алексей успешно прошел предзащиту в своем отделе, а также выступил в пустом конференц-зале, где предстояло защищаться, и был уверен, что решающий доклад его будет убедительным и на высоком профессиональном уровне.

В тот знаменательный день защищались два соискателя – Алексей и парень из другого отделения, специалист по гребным винтам. Кроме двадцати членов диссертационной комиссии, в конференц-зале собралось несколько десятков человек – сотрудников института и приглашенных для моральной поддержки «своих» соискателей. Алексей выступал первым. И первые слова, произнесенные им, были: «Целью работы являлось...». Алексей на нескольких последних защитах кандидатских диссертаций испытывал скуку, когда соискатель, вместо того чтобы приступить прямо к делу, разглагольствовал о состоянии мировой науки в своей области.

Держался он во время доклада уверенно – год подготовки не прошел даром. Слова приходили сами собой без малейших усилий. Ему удавалось говорить и одновременно следить за реакцией членов комиссии. Он читал ее на их лицах и если ему казалось, что у кого-то из них возникали сомнения или вопросы, то смотрел прямо в глаза этого человека и, словно вступив с ним в диалог, старался говорить более убедительно и отвечал на незаданный вопрос. И с радостью видел одобрительное выражение на лице оппонента.

Он эффектно завершил свое выступление, рассказав о внедрении результатов работы в практику, о полученных патентах на изобретения, опубликованных научных статьях и докладах на конференциях и семинарах. И еще – о продолжении в будущем исследований по актуальному направлению.

Примерно через час, в течение которого он не находил себе места от волнения, после защиты второго соискателя и обсуждения обоих докладов членами комиссии, Алексею наконец сообщили о результатах. Все двадцать «шаров» были белыми!

В тот же день на банкете, устроенном Алексеем, руководитель его диссертационной работы рассказал о поддержке со своей стороны в комиссии, членом которой он являлся. «Я

сказал им, – говорил он, – что нам требуется не только добротный сколоченный табурет (он имел в виду диссертацию по гребным винтам), но и талантливо изготовленное изящное венское кресло, которое не стыдно поставить в парадном зале Эрмитажа». Алексей не знал, радоваться или огорчаться такой оценке его, конечно же, замечательной диссертации. И все же он был счастлив. Столько сил было затрачено, и он успешно закончил эту трудную работу! И теперь чувствовал уверенность на пути к новым исследованиям. Будущее представлялось ему безоблачным и прекрасным...

*Санкт-Петербург,
июль 2015 г.*

Начало

Бахтияру Иргашеву посвящается

С приятелем своим Виталием Алексей не виделся несколько лет, и, наконец встретившись, они, естественно, отправились в пивбар, чтобы обсудить произошедшие или намечающиеся события в их жизни. После третьей кружки разговор стал вполне откровенным, и в ожидании заказанных следующих кружек пива они вели доверительную беседу.

– Как я понял, – говорил Виталий, – ты собираешься уйти из своего института. Ты сейчас начальник сектора и получаешь, как ты сказал, зарплату втрое большую, чем старший научный сотрудник. Работа у тебя перспективная, и ты на хорошем счету у начальства. И что тебе еще нужно? На кой черт ты собираешься перейти в общественную организацию Институт экологии? Тебя прельстила должность заместителя директора без оклада и с неясной перспективой? И это во время нашей... перестройки! Ты что, друг, охренел? Ведь ты заставишь свою семью голодать, а у тебя два подрастающих сына. Где логика?

– Понимаешь, – отвечал Алексей, – в жизни людей, особенно активных (себя он, конечно, считал активным гражданином), иногда наступает момент, когда человек задает себе вопрос: чем я занимаюсь и что мне действительно нужно? В моей жизни таких моментов было несколько. Я не отношусь к тем, кто прыгает с работы на работу ради большого оклада или должности. Меня много терзали, иногда месяцы и даже годы, сомнения: правильно ли я поступаю, если оставляю прежнее место работы, где я достиг определенных успехов и имею перспективу в карьере? И каждый раз я в конце концов решался и начинал новую жизнь, по сути, с чистого листа.

Я даже не знаю, чем это вызвано. Наверное, существует все же судьба. Человек может не знать ее – и слава богу! Изменить ее невозможно, можно лишь ухудшить или слегка улучшить. Судьба заставляет человека, пусть и после долгих колебаний, принимать predeterminedенные ею решения. Часто они непонятны окружающим и самому человеку. Но если он не решится, то неминуемо остановится и начнет деградировать.

Конечно, это мое личное мнение, и ты можешь с ним не согласиться. Скажу только, что каждый раз, – а таких случаев было три или четыре, и, наверное, это не последний в моей жизни, – я все же решался начинать новую жизнь и никогда не жалел об этом. При этом я что-то терял, но зато уносил из прежней жизни знания и опыт, в первую очередь опыт общения с людьми.

Разговор этот велся в 90-м году, в разгар Великой Перестройки. Главный Перестройщик без устали твердил о «новом историческом мышлении», а главный оппонент его – о «демократии». Истинной целью каждого были титул и кресло национального лидера. Независимость и целостность страны, благосостояние народа были целями второго порядка. Оба представляли собой порождение изжившего себя строя, и оба находились под присмотром заокеанских «партнеров». У «партнеров» в отношении СССР и в дальнейшем России были свои цели и планы, в общем не скрываемые, и национальные лидеры, конечно же, знали о них.

Население бесконечный поток слов о перестройке, новом историческом мышлении и консенсусе воспринимало уже, как заезженную патефонную пластинку, с некоторым раздражением. У него, впрочем, и не было времени слушать демагогию: ему нужно было как-то выживать.

Победил в конечном счете оппонент Главного Перестройщика. Через несколько лет победитель превратится в неизлечимого алкоголика. Увы, этих национальных лидеров нашей несчастной стране, видимо за грехи, дала Судьба в переломный момент ее истории.

«Народной революции» не предвиделось. Революцию совершали честолюбивые завлабы, усердно изучавшие труды западных экономистов и далекие от понимания своей страны и ее народа. Но главным образом – проходимцы, уловившие момент истины и не упускавшие свой шанс. Терпеливый народ в общем безмолвствовал.

Известный в стране институт, где работал начальником сектора Алексей, все еще формировал проекты программ и перспективных планов развития отраслевой техники. Сектор непосредственно участвовал в их подготовке. После бесконечных согласований на всех уровнях проекты из министерства представлялись для утверждения на самый верхний уровень – в ЦК КПСС и Совмин СССР. Выше был лишь уровень Господа Бога. Но с ним свои постановления ЦК КПСС и СМ СССР не согласовывали, ибо высшие государственные мужи не верили в Его существование. Вскоре это послужило одной из важнейших причин развала Системы, включая ЦК, КПСС, СМ и вообще СССР.

Зарплату Алексей получал действительно большую. Вместе с премией она составляла две трети оклада министра. Правда, реальная зарплата министра вместе с бонусами была известна лишь финансовому управлению министерства.

Он перешел в отдел перспективного отраслевого планирования из исследовательского отделения, где за двенадцать лет защитил диссертацию, опубликовал около сотни печатных трудов и получил десятки патентов на изобретения.

За это время он создал семью, начал растить двоих сыновей, «построил» пусть и не дом, но кооперативную квартиру и посадил не одно, а несколько деревьев, правда не в своем саду, его у него не было, а в белорусской деревне, где жили родители его жены.

Но его беспокойной душе нужен был простор. Довольно узкое направление исследований стало его тяготить, и он ушел в отделение, где область деятельности по планированию развития отраслевой науки и техники была безграничной, но глубина мыслительной работы в сравнении с прежним его отделением – минимальная.

Алексей старался, чтобы работа его подопечных была интереснее канцелярской суеты по формированию и согласованию бесчисленных тематических карточек НИОКР. Они участвовали в научных конференциях и семинарах по планированию исследований и разработок, писали статьи в «Труды» института.

Он убедил двух своих помощников поступить на ускоренное очное обучение в Инженерно-экономический институт и вместе с ними окончил его, получив второе высшее образование. Они ходили по очереди на лекции, записывая их под копирку для товарищей по учебе, находившихся в этот день в командировке в министерстве или работавших с утра до вечера над срочными бумагами для руководства.

Начальство их учебу одобряло, тем более что они никогда его не подводили. Через три года оба помощника Алексея стали заместителями директора института, один – по экономике, другой стал руководить финансовыми службами.

Через десять лет Алексею надоела чиновничья работа по формированию проектов отраслевых программ и планов. К тому же бесконечные командировки в Москву мешали семейной жизни, воспитанию сыновей-подростков, постепенно отбивавшихся от рук и превращавшихся в дворовую шпану.

И он решил уйти из института. Ушел не сразу. Почти год директор держал его заявление под сукном, видимо надеясь, что он передумает. Алексей входил в число работников, нужных руководству при подготовке материалов для министерства и органов более высокого уровня. Далеко не каждый сотрудник института горел желанием превратиться, пусть даже за большую зарплату, в чиновника.

Наконец-то его отпустили с богом, и он устроился заместителем директора Института экологии, куда пригласил его Виктор Антонович Роголев, замечательный ученый и организатор. Институт являлся общественной организацией, и деньги на хлеб насущный его сотрудники должны были зарабатывать сами.

После недавнего материального благополучия Алексей с семьей некоторое время жили в нищете. Но ни одного дня у него не было ностальгии по прежней работе. Он ушел, не хлопнув дверью, и сохранил добрые отношения с прежними своими сотрудниками и руководством, не осуждавшими его решение. В будущем созданное им предприятие будет участвовать в важных разработках института.

Ему нужна была свобода действий и возможность осуществления инициативы. В условиях «демократического централизма» любая инициатива была наказуема. И он понял истину: за несвободу платят тебе, а за свободу – ты сам, только намного больше.

Нужно было каким-то образом выживать. По совету Виктора Антоновича он организовывал семинары по проблемам экологии производств, прежде всего судостроения, более ему знакомого. СССР еще существовал, и со всех концов его с удовольствием приезжали в Ленинград сотрудники экологических служб судостроительных заводов. Алексей приглашал читать лекции известных в городе специалистов и сохранил с некоторыми из них связи, очень ценные в дальнейшей его деятельности. Но семинары проходили достаточно редко, а кушать нужно было каждый день.

Приятель Алексея Владимир подключил его к компании, торгующей импортной одеждой и обувью прошлых сезонов. Товар был уже не моден за рубежом, но зато приемлем по цене нашему населению. Ему было не до последней моды заевшихся граждан Запада.

Компания занимала двухуровневый апартамент шикарной гостиницы в престижном районе города.

Там и познакомился Алексей с Бахтияром, ставшим на несколько лет вдохновителем и организатором его предпринимательской деятельности. В жизни Алексея было всего лишь несколько человек, заставивших его поверить в себя в моменты трудных решений, определявших его дальнейшую жизнь. Наверное, Господь сводил его с такими людьми, чтобы следовать своей судьбе, не вступая в противоречие с нею, несмотря на сомнения и неизбежные потери при определенном свыше резком изменении жизни.

Бахтияр окончил Художественную академию и писал замечательные картины с глубоким философским содержанием, не всегда понятным Алексею. Чтобы прокормить семью, он, как и его друг, вынужден был перебиваться случайными заработками. Впоследствии он организовал бригаду, благоустроившую квартиры и дачи любых заказчиков – от питерских бандитов до президента одной из среднеазиатских республик. Алексей видел своими глазами и на фотографиях образцы его творчества. Паркетные полы на даче президента красотой своей были не хуже полов в парадных залах Эрмитажа, а квартиры бандитов выглядели как жилища известных деятелей искусства. Но удивительной способностью художника Бахтияра было находить нужных специалистов в областях, скорее близких к научно-производственной деятельности Алексея. Более того, предлагать новые разработки природоохранной техники, к которой он ранее не имел отношения. Вместе с Алексеем они начали выполнять новые проекты, привлекая ученых из СПбГУ и профильных НИИ и КБ в Петербурге и Москве.

Они вкладывали в разработки деньги, вырученные в основном Бахтияром от мелкооптовой торговли чем угодно – от овощей и продуктов до одежды и обуви. В начале 90-х они познакомились с Борисом, заведующим лабораторией НИИ целлюлозно-бумажной промышленности. Лаборатория и сам институт бедствовали, и Борис с удовольствием стал работать с ними.

Вскоре они создали при Институте экологии предприятие, имевшее официальное название «Предприятие общественной организации» – ПОО. В сознании высших чиновников, вчерашних советских аппаратчиков, термины «предпринимательство» и «общественное» все еще

противоречили одно другому, и ПОО как форму собственности вскоре отменили. Предприятие Алексея стало называться ООО – общество с ограниченной ответственностью. Номера автомобилей сколько-нибудь важных чиновников тоже имели буквы ООО.

Юридически они были теперь свободны от Института экологии и могли напрямую заключать контракты с заказчиками. Вскоре им с Борисом удалось заключить договор с крымским заводом детского питания по обеззараживанию озоном емкостей для хранения концентратов для приготовления соков. Работа была успешно выполнена, и завод, за неимением денег, оплатил ее вагоном детского питания. В течение нескольких месяцев Алексей с Бахтияром и Борисом, привлекая жен и детей, продавали тысячи баночек оптом и в розницу магазинам и отдельным гражданам. Тем они и жили это время.

После ухода СССР в небытие наука и научные учреждения перестали интересовать высшую власть и когда-то всемогущие НИИ и КБ начали медленно умирать.

Алексею удалось привлечь к работам предприятия Валентина, начальника лаборатории головного института одной из оборонных отраслей промышленности, и его жену Людмилу, старшего научного сотрудника крупного научно-производственного объединения. Уже тогда эти известные в советское время организации дышали на ладан и их сотрудники охотно работали по совместительству в многочисленных ООО и ЗАО, действующих на свой страх и риск. Заказов у этих организаций почти не было, и их руководители, чтобы оплатить налоги государству и заработать бонусы себе любимым, сдавали производственные помещения малым предприятиям. Поделиться прибылью со своими сотрудниками они зачастую забывали, да и денег для этого не хватало.

Дирекция НПО, где работала Людмила, помимо сдачи в аренду помещений, организовала в городе сеть продовольственных магазинов. Но это была уже ее частная собственность – дело святое. Зато сотрудники организации, желавшие поработать над производственными заданиями в выходные, обязаны были платить за вход на территорию НПО личные деньги – чтобы компенсировать дополнительный расход электроэнергии.

По всей стране сотни тысяч малых предприятий что-то разрабатывали, что-то изготавливали и продавали востребованные на рынке товары, продукты и услуги, давая возможность выжить миллионам людей.

Будучи заняты делом, они не были опасны владевшей страной олигархии, безразличной к остальному населению – быдлу, по ее понятиям, и к своей стране, служившей для них лишь территорией, с которой можно было скачать доллары и отправить их за рубеж.

Олигархи всегда были под колпаком у зарубежных «партнеров», имевших возможность в любой момент арестовать их активы, если они попытаются играть не по правилам, установленным для России. Сросшаяся с олигархией власть не помогала, но, опасаясь социального взрыва, не мешала населению выживать. К созданию в России мощного «среднего класса», послужившего толчком к бурному развитию Китая и некоторых других стран, она относилась равнодушно (это, видимо, не входило в планы «партнеров»). В обществе, таким образом, поддерживалась стабильность, декларируемая высшей властью. Доживающий определенное ему судьбой годы «царь Борис» фактически уже не правил страной. Она, как и подданные, ему была, очевидно, безразлична. Народ заслужил избранного им самим национального лидера.

Благодаря Валентину Алексей познакомился с москвичом Анатолием, начальником лаборатории известного в советское время КБ, крупным специалистом в области ультрафиолетовых облучателей. Вскоре фирма Алексея и Валентина стала изготавливать обеззараживатели воздуха и поверхностей помещений. Ими были оснащены десятки больниц, госпиталей и пищевых производств. И все же фирма по-прежнему была бедной и не имела своего производства. Аппараты они изготавливали у соисполнителей. Заработанные деньги вкладывались в новые разработки, и лишь малая их часть шла на зарплату. У них не было даже своей машины

для доставки заказчикам готовой продукции. Реализацией ультрафиолетовых рециркуляторов занималась Людмила. Если больница или предприятие, заказавшие фирме аппарат, находились поблизости и не было попутной машины, она везла их в автобусе или просто катила до нужного адреса, благо аппараты имели колеса.

В 95-м В. А. Рогалев вместе с соратниками создал Международную академию наук экологии, безопасности человека и природы. Спустя несколько лет академия имела десятки отделений и представительств в России и за рубежом. Алексей с Валентином как активные разработчики природоохранных технологий были удостоены звания членов-корреспондентов МАНЭБ.

В их фирме уже было семь человек, и, расширив область своей деятельности, они начали проектировать и изготавливать ультрафиолетовые обеззараживатели воды различного назначения. По этому направлению было организовано еще одно предприятие. На должность директора они назначили Бориса. В дальнейшем новое направление стало для обеих фирм важнейшим. После разделения фирм Алексей сохранил с Борисом нормальные отношения.

Наконец-то их предприятие вышло на международный уровень.

Однажды к ним приехала китайская делегация из Шанхайского института судового оборудования. Алексей, воспользовавшись прежними связями с судостроительной отраслью, организовал поездку китайских специалистов в основные НИИ, КБ и судостроительные заводы на Северо-Западе России, а также в Николаев на Украине. Разумеется, в первую очередь он направил их в институт, где работал раньше. Результатом этих поездок стали контракты, заключенные с несколькими организациями судостроения.

Через год по приглашению китайского института Алексей вместе с Владимиром, его заместителем по магнитоизмерительной технике, которой они стали заниматься в последнее время, побывали, с одобрения директора их бывшего института, в Шанхае. Алексей читал лекции по природоохранной технике, Владимир устанавливал связи со специалистами по своему направлению. Эти связи вскоре пригодились институту.

Фирма развивалась. Приходили новые люди. Проводились новые исследования и разработки, выполнявшиеся во много раз быстрее и дешевле, чем в любом НИИ и КБ. Сотрудники по результатам выполнения заданий имели не получку, как в добрые старые времена, а заработанную плату. Инициатива поощрялась, и разработчики имели стимул к творческой работе. Конкуренция на рынке оборудования этому способствовала. Конечно, были не только успехи, но и неудачи, но они упорно двигались дальше...

*Санкт-Петербург,
март 2015 г.*

Целительница Пивоварова Евдокия Карловна

Удивительные истории, связанные с ее деятельностью, известны на Украине и в России, и не только в этих двух странах. Все, о чем здесь говорится, реально произошло в жизни. Незначительные неточности не меняют сути. Суть же состоит в том, что, слава богу, есть еще истинные народные целители, способные победить болезни, против которых бессильна традиционная медицина с ее современными лечебными методами и медицинской техникой.

Живет Евдокия Карловна в селе Михайловка, рядом с г. Саки в Крыму. К ней приезжают в любое время года больные, иной раз безнадежные, и всех она принимает, работая с пяти утра до девяти вечера. За один или несколько курсов (как правило, 15 дней по 2 сеанса) она излечивает почти всех. Тем же, кого невозможно спасти, она честно говорит, что не в силах уже помочь, ибо она не Бог, чтобы быть всемогущей.

Алексей узнал о ней от своих друзей, Станислава и Веры. Несколько лет назад у Станислава обнаружили рак простаты. Когда забили тревогу, опухоль уже была неоперабельной. С тех пор Стас с женой каждое лето проводили на юге. Море и крымский климат ему помогали, но болезнь прогрессировала, рак был уже четвертой степени, – казалось, спасения нет. Однажды Вера услышала от знакомых о целительнице, излечивающей больных забытыми народными средствами и биополем. Стасу терять было нечего, и они отправились в село, где живет Евдокия Карловна. Та приняла их и, продиагностировав его, сказала: «Попробую тебе помочь, но гарантии не даю, болезнь очень запущена». С тех пор он несколько раз проходил у нее курс лечения. Основные показатели состояния здоровья уже после трех курсов приблизились к норме. Со времени, когда была определена смертельно опасная степень рака, он прожил уже шесть лет. Алексей, приезжая летом на пару дней в гости к друзьям, каждый раз поражался его бодрости и жизнерадостности, полному отсутствию хандры, типичной у больных в такой ситуации. Однажды болезнь все же дала о себе знать, и Стас, оторвавшись от работ на своем участке, прошел еще один курс лечения.

Алексея, как и большинство мужчин, начиная с определенного возраста начал тревожить простатит, и он обратился к друзьям с просьбой познакомить с народной целительницей. В сентябре, когда уже спала крымская жара, он приехал в Севастополь, и на следующий день Вера повезла его к Евдокии Карловне. Они ехали в небольшом автобусе, пассажиров было мало. Алексей с интересом смотрел по сторонам. Этой дорогой он, хотя и был когда-то жителем Крыма, никогда не ездил. Они коротали время, обсуждая политическую ситуацию в России и на Украине, и почему зря ругали политиков, олигархов, чиновников, всех, кто довел эти страны до нынешнего бедственного состояния.

Не доезжая примерно пяти километров до села Евдокии Карловны, автобус неожиданно круто свернул налево, на склон холма у самой дороги. На скорости он проехал вверх по склону и затем, продолжая разворачиваться налево, стал заваливаться на левый борт. Все произошло в течение нескольких секунд. Машина перевернулась вверх колесами и с грохотом и треском лопающихся оконных стекол упала на правую сторону. Пассажиры, совершив в буквальном смысле головокружительный полет, попадали на борт. Какое-то время Алексей был без сознания. Когда он очнулся, в салоне стояла тишина. Люди, очевидно, были в шоковом состоянии. Он не мог пошевелиться – на нем лежали две дорожные тетki, ноги были прижаты оторвавшимся креслом. Он закричал: «Вашу мать, долго будете лежать на мне?!». Впрочем, крик его прозвучал скорее как стон, ибо невозможно кричать, когда на тебе лежит груз весом в пару центнеров. Насколько позволяли силы в его бедственном положении, он ущипнул за тетку, до которой смог дотянуться. Тетки зашевелились. «Щас, миленький, щас!» – пролепетала одна из них, и они поползли к аварийному окну, выбитому водителем, пришедшим в себя первым и, к счастью, совершенно не пострадавшим.

Раздался крик: «Дым! Дым!». В салоне кружились клубы то ли дыма, то ли пыли. Алексей ощутил во рту песок. «Слава богу, пыль!» – подумал он и с огромным трудом выполз из-под кресел. Он еще не совсем пришел в себя и все же разыскал свой мобильник и деньги, вывалившиеся из кармана рубашки, когда он совершал полет вверх ногами. Мужчины из машин, проезжавших мимо в момент аварии, помогли пострадавшим выбраться из автобуса. Все сгрудились на обочине дороги. Автобус живописно лежал недалеко, днищем в их сторону. Никто из пассажиров серьезно не пострадал. Все были живы, лишь у некоторых были вывихи и почти у всех – ушибы и порезы от разбившихся стекол. Возможно, больше всех досталось Вере и Алексею – у них, как потом выяснилось, были не просто ушибы, но также стеснение легких и сердца, что дало уже вскоре о себе знать.

Водитель нервно спрашивал у каждого: «У вас есть какие-нибудь претензии ко мне или обвинения?». Какие могли быть претензии в их состоянии? Алексей, несмотря на слабость, как истинный технарь прикинул с учетом окончательного положения автобуса у дороги, на сколько же градусов перевернулась машина в момент аварии.

Оказалось, что она совершила вращение вокруг продольной оси на 270 градусов и одновременно вокруг вертикали – на 180 градусов. Такие эволюции, наверное, возможны лишь у современных истребителей, с той лишь разницей, что летчик надежно пристегнут к своему креслу, контролирует и управляет полетом самолета. Во вращающемся в трехмерном пространстве автобусе пассажиры и оторвавшиеся кресла совершали явно неконтролируемые и неуправляемые движения. Просто удивительно, что все обошлось гораздо лучше, чем могло быть. Алексей вспомнил свои ощущения непосредственно перед тем, как потерял сознание. В момент вращения машины, когда пропала ориентация в пространстве и времени, он вдруг на мгновение испытал чувство страшной опасности и одновременно бессилия что-либо предпринять. Наверное, подумал он уже после аварии, такое ощущение будет у людей, когда наступит заслуженный человечеством конец света, и он будет моментальным.

Приехали две машины «скорой». Раны обработали перекисью водорода, кое-кому пондобился нашатырь. Вера была в полубоморочном состоянии. Всего пятеро наиболее пострадавших, в том числе Вера и Алексей, согласились поехать в районную поликлинику. Он боялся возможных переломов ребер: в груди ощущался подозрительный хруст, и было трудно дышать. У нее тоже были проблемы с внутренними органами и, по-видимому, вывих плеча. В поликлинике им сделали обезболивающие уколы, хотя боли Алексей не ощущал. Боль пришла на следующий день, когда организм окончательно вышел из шока. Рентгенограммы грудной клетки и плеча Веры показали, что переломов и вывихов, к счастью, нет. Были ушибы в различных местах тела и большая шишка от удара в двух сантиметрах от виска. «Еще немного, и мне бы с вами беседовать не пришлось», – бодрым тоном заявил обследовавший их врач. Взглянув на снимок Алексея, он сказал: «Перелом ребра, похоже, есть, а может быть, и нет. Оставайтесь у нас на пару дней, посмотрим, не будет ли вам хуже». Алексей ответил, что без Веры он здесь не останется, им нужно в село, где их ждут. «Ну тогда напишите, что от госпитализации отказываетесь... нет, категорически отказываетесь». Он написал. Доктор внес в анкету его данные и очень удивился, когда на вопрос, какая у него должность, пациент ответил: «Генеральный директор НПО». Видимо, состояние общей пришибленности организма отразилось и на лице пострадавшего. Прощаясь с ним, Алексей спросил, не нужно ли ему наложить гипс или какой-нибудь бандаж на место предполагаемого перелома ребер. Тот ответил: «Зачем? У меня, когда я занимался борьбой, было много поломанных ребер. Не бойтесь, заживет, как...». Он не уточнил как, но, видимо, хотел сказать «как на собаке». У Алексея не было ни малейшей обиды на него, ибо он знал, что в случае более печального для пассажиров автобуса исхода аварии доктор сделал бы все от него зависящее, чтобы помочь пострадавшим.

Они вышли из поликлиники, и явно поджидавший их капитан милиции подвел сначала Веру, потом Алексея к хозяину автокомпании, владевшей несчастливым автобусом. Перед

этим они давали подробные показания и сведения о себе девушке из дорожно-транспортной милиции. Хозяин, парень лет тридцати пяти, явно был обеспокоен происшествием, грозившим его компании большими неприятностями. «Поймите, – говорил он Алексею, и в глазах его была просьба, – водитель не виноват в том, что лопнула рессора. Автобус в эксплуатации всего два года. Конечно же, мы предъявим претензии автозаводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.